

Сто часов счастья*

ПОЭЗИЯ

100 лет
со дня рождения

*Вероника
Тушнова*

Зеркало

Всё приняло в оправе круглой
Нелицемерное стекло:
Ресницы, слепленные вьюгой,
Волос намокшее крыло,
Прозрачное свеченье кожи,
Лица изменчивый овал,
Глаза счастливые...
Всё то же, что только что ты целовал.
И с жадностью неутомимой,
Признательности не тая,
Любуюсь я твоей любимой...
И странно мне, что это... я.

* В подборке представлены некоторые стихотворения В. Тушновой, ставшие популярными песнями.

Воскресенье

Ни особых событий,
никакого веселья
в этот будничный день
моего воскресенья.
День рождался из птичьей
на заре переклички,
из фабричных гудков
и гудков электрички...
Этот день выростал
из кусочка картона
с прозаической надписью:
«Пятая зона»,
из нагретого солнцем
настила перрона
этот день выростал
неуклонно, огромно.
Весь истыкан капелью,
пронизан лучами,
перерос он обиды мои
и печали,
он еловыми лапами
обнял мне плечи,
и ушло моё горе
далече, далече.

Две тени

Помнишь дом на пригорке?
В камне ступени?
Блеск фонарей
ледяной, голубой?
На мерцающем кварце
две чёрные тени.
Две чёткие тени
наши с тобой.
Стёкла в окнах черно
и незряче блестели,
сладко спали хозяйева
в мягкой постели,
сны, наверно, смотрели
и ведать не ведали,
что сегодня
их двое прохожих
проведали.
Открывали калитку,
на лестницу лазали,
постояли
под чёрными влажными вязами,

заговорщицким шёпотом говорили,
и друг другу
тот маленький дом подарили,
и с собой увезли его
в поезде дальнем,
вместе с лестницей, садом,
хозяйской спальней,
вместе с шёпотом, взглядами,
тайным смятением...
что на веки веков они,
ночью любой,
на мерцающем кварце –
две чёрные тени,
две чёткие тени –
наши с тобой.

* * *

А знаешь, всё ещё будет!
Южный ветер ещё подует,
и весну ещё наколдует,
и память перелистает,
и встретиться нас заставит,
и ещё меня на рассвете
губы твои разбудят.
Понимаешь, всё ещё будет!
В сто концов убегают рельсы,
самолёты уходят в рейсы,
корабли снимаются с якоря...
Если б помнили это люди,
чаще думали бы о чуде,
реже бы люди плакали.
Счастье – что оно? Та же птица:
упустишь – и не поймашь.
А в клетке ему томиться
тоже ведь не годится,
трудно с ним, понимаешь?
Я его не запру безжалостно,
крыльев не искалечу.
Улетаешь?
Лети, пожалуйста...
Знаешь, как отпразднуем
встречу!

* * *

Сто часов счастья...
Разве этого мало?
Я его, как песок золотой,
намывала,
собирала любовно, неумоимо,
по крупице, по капле,
по искре, по блёстке,
создавала его из тумана и дыма,
принимала в подарок
от каждой звезды и берёзки...
Сколько дней проводила
за счастьем в погоне
на продрогшем перроне,
в гремящем вагоне,
в час отлёта его настигала
на аэродроме,
обнимала его, согревала
в нетопленном доме.
Ворожила над ним, колдовала...
Случалось, бывало,
что из горького горя
я счастье своё добывала.
Это зря говорится,
что надо счастливой родиться.
Нужно только, чтоб сердце
не стыдилось над счастьем трудиться,
чтобы не было сердце
лениво, спесиво,
чтоб за малую малость
оно говорило «спасибо».
Сто часов счастья,
чистейшего, без обмана.
Сто часов счастья!
Разве этого мало?

* * *

Я прощаюсь с тобою
у последней черты.
С настоящей любовью,
может, встретишься ты.
Пусть иная, родная,
та, с которой – рай,
всё равно заклинаю:
вспоминай! вспоминай!

Вспоминай меня, если
хрустнет утренний лёд,
если вдруг в поднебесье
прогремит самолёт,
если вихрь закурчавит
душных туч пелену,
если пёс заскучает,
заскулит на луну,
если рыжие стаи
закружит листопад,
если за полночь ставни
застучат невпопад,
если утром белёсым
закричат петухи,
вспоминай мои слёзы,
губы, руки, стихи...
Позабыть не старайся,
прочь из сердца гоня,
не старайся,
не майся –
слишком много меня!

* * *

Дождик сеет, сеет, сеет,
с полуночи моросит,
словно занавес кисейный
за окошками висит.
А в лесу кричат кукушки,
обещают долгий век...
Мне не грустно
и не скучно,
я счастливый человек.
Из раскрытой настежь двери
пахнет глиной и травой.
А кукушкам я не верю,
врать кукушкам
не впервой!
Да и что считать без толку,
лишним годом дорожить?
Ну недолго,
так недолго,
только б счастливо прожить.
Так прожить,
чтоб всё, что снится, –
всё сбывалось наяву,
так прожить,
чтоб петь как птица,
так прожить,
как я живу!

* * *

Ну, пожалуйста, пожалуйста,
в самолёт меня возьми,
на усталость мне пожалуись,
на плече моём усни.
Руку дай, сводя по лесенке,
на другом краю земли,
где встают, как счастья вестники,
горы дымные вдали...
Ну, пожалуйста, в угоду мне,
не тревожься ни о чём,
тихой ночью сердце города
отопри своим ключом.
Хорошо, наверно, ночью там, –
темнота и тишина.
Мы с тобой в подвале сводчатом
выпьем местного вина.
Выпьем мы за счастье трудное,
за дорогу без конца,
за слепые, безрассудные,
неподсудные сердца...
Побредём по сонным дворикам,
по безлюдным площадям,
улыбаться будем дворникам,
будто найденным друзьям.
Под платанами поблэкшими
будем листьями шуршать,
будем добрыми, хорошими,
будем слушать осень позднюю,
радоваться и дышать!

* * *

Ты не любишь считать
облака в синеве.
Ты не любишь ходить
босиком по траве.
Ты не любишь
в полях паутин волокно,
ты не любишь,
чтоб в комнате
настежь окно,
чтобы настежь глаза,
чтобы настежь душа,
чтоб бродить не спеша
и грешить не греша...
Всё бывало иначе
когда-то давно.

Много власти
любовью мне было дано!
Что же делать теперь?
Помоги, научи.
На замке твоя жизнь,
потерялись ключи.
А моя на исходе –
улетают года.
Неужели не встретимся
никогда?

* * *

Что-то мне недужится,
что-то трудно дышится...
В лугах цветёт калужница,
в реке ветла колыхается,
и птицы, птицы, птицы
на сто ладов поют,
и веселятся птицы,
и гнёзда птицы выют.
...Что-то беспокойно мне,
нелегко, непросто...
Стремительные, стройные
вокруг посёлка сосны,
и тучи, тучи, тучи
белы, как молоко,
и уплывают тучи
далёко-далеко.
Да и меня никто ведь
в плену не держит, нет.
Мне ничего не стоит
на поезд взять билет
и в полночь на разъезде
сойти в глуши лесной,
чтоб быть с тобою вместе,
чтоб стать весне весной.
И это так возможно...
И это так нельзя...
Летит гудок тревожно,
как филин голоса,
и сердце, сердце, сердце
летит за ним сквозь мглу,
и горько плачет сердце:
«Как мало я могу!».